

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Глава 1. Русские земли в начале XIII в.	11
Глава 2. Монголы. Первая встреча.	29
Глава 3. Междоусобная война в русских княжествах в 30-е гг. XIII в.	114
Глава 4. Нашествие	138
§ 1. В ожидании	138
§ 2. Вторжение: Северо-Восточная Русь, 1237–1238 гг.	175
§ 3. Русь межвоенная: от Рязани до Киева, 1238–1240 гг.	234

§ 4. Вторжение: Европейский поход, 1240–1242 гг.270
Глава 5. От нашествия до «ига».317
§ 1. Южная Русь после ухода монголов317
§ 2. Земли Северной Руси после возвращения монголов из Европейского похода350
Заключение367
Список иллюстраций375
Библиография.377

ВВЕДЕНИЕ

Эпохи выделяют смыслом вне хронологии. Возрождение ли это, или Просвещение, или просто эпоха немого кино. У них условные рубежи, их ограждают «удобными» датами как ориентирами. Совсем не часто они совпадают с разящими событиями, буквально рассекающими прошлое на две смысловые части, как открытие Америки для европейцев или разрушение Иерусалимского храма для иудеев. Эпохальный разлом. Для русской истории — это монгольское нашествие, которое тоже не было единомоментным, но развивалось на ограниченном отрезке времени, который отделяет «домонгольский» период и все, что было позднее. На нем устанавливают отметку при разделении русских княжеств на западную и восточную агломерации, при церковной и политической сепарации, при определении идеологических взаимовлияний и даже при поиске генных мутаций, но прежде всего — определяя тектонический сдвиг в мировосприятии. И все это лишь отчасти, в определенной мере, о которой можно долго спорить. Предлагаемый материал предоставляет возможность всмотреться в прошедшее и сделать собственный вывод.

* * *

Известный американский историк Ричард Пайпс (1923–2018), длительное время выступавший консультантом правительства США по вопросам отношений с СССР, подчеркивал: «Разрушитель-

ность этого [монгольского] нашествия не вызывает ни малейших сомнений, но вопрос о том, как именно оно повлияло на историческую судьбу России, по-прежнему остается открытым». Важность выяснения ситуации он понимал следующим образом: «Ведь если монголы вовсе не оказали на Русь никакого влияния или если подобное влияние было ничтожным, то нынешнюю Россию можно рассматривать в качестве европейской державы, которая, несмотря на все свои национальные особенности, все-таки принадлежит к Западу. Кроме того, из такого положения вещей следует вывод о том, что русская привязанность к автократии сложилась под влиянием каких-то генетических факторов и как таковая не подвержена изменениям. Но если Россия сформировалась непосредственно под монгольским влиянием, то это государство оказывается частью Азии или «евразийской» державой, инстинктивно отторгающей ценности западного мира». Более того: «Если монголы никак не повлияли на Россию или если это влияние не затронуло политической сферы, то российскую приверженность самодержавной власти, причем в самой крайней, патримониальной, форме придется объявить чем-то **врожденным и вечным**. В таком случае она должна корениться в русской душе, религии или каком-то другом источнике, не поддающемся изменениям. Но если Россия, напротив, заимствовала свою политическую систему от иноземных захватчиков, то шанс на внутренние перемены остается, ибо монгольское влияние может со временем смениться на западное»¹.

Крайнее заострение проблемы в таком апологетическом ключе, конечно, остается на совести этого недавно почившего знатока. Ясно, что он путал «иго» и «нашествие», а «монголов» с «Золотой Ордой» и вообще Востоком, но характерно, что для влиятельного американского эксперта нынешняя Россия — а он опубликовал свой текст в 2011 г. — определенно восходит в целом к Руси XIII в. И это наводит на размышление о том, что исторические события никогда

¹ См.: Пайпс 2011.

не бывают только разрывающими — они также всегда служат «мостиком», связующим прошлое с грядущим.

Выдающийся немецкий историк Райнхарт Козеллек (1923–2006) называл период монгольского вторжения на Русь «временем, связующим эпохи» (*Sattelzeit*). Это и смерть старого, и рождение нового — и то и другое происходило болезненно, с кровью, страданием, мукой, что, увы, обычно неизбежно. Можно ли подвести сюда шкалу измерений, выяснить степень боли и масштаб резонанса? Как всегда в гуманитарных науках, мы вряд ли сможем указать здесь точный процент или градус, не говоря о корреляции. Тем не менее оценка событий напрашивается. Произошел надлом, за которым последовали едва ли не революционные общественно-политические, экономические, культурные и даже этнические изменения. Не единовременные и не всеобщие, но приведшие в итоге к оформлению крупного и могущественного многонационального государства — России, а также других стран, возводящих свою историю к Древней Руси.

В научной литературе считается наиболее осязаемой и доступной периодизацией деление древнерусской истории на домонгольский период и время после нашествия. При этом одни нередко воспринимают «Батыев погром» в качестве тотального «обнуления» всего, что было прежде, а последующее отсчитывают уже от него, возводя к нему, разъясняя им. Другие, напротив, считают, что речь о налете кочевников, пронесшихся смерчем и нанесших урон населению, экономике Руси. Он отразился на некоторых социальных процессах, но не коснулся внутривнутриполитической структуры, общественной системы, культуры и традиции. Тот самый путь к централизации, на который часто указывают авторы научно-популярных сочинений, не был непосредственным результатом нашествия: Батый расколол русские земли, а процессы централизации начались столетие спустя, причем в большей степени благодаря внутреннему социальному развитию, и охватили прежде всего северо-восток страны. Известно, что «иго», то есть система вассально-даннической зависимости, не было установлено сразу после нападения монголов, а стало

результатом серии политических договоренностей русских князей, причем распространялось отнюдь не на все княжества.

Часто говорят о культурном и психологическом отставании от других стран, начавшемся на Руси после монгольского погрома. В отношении культуры заключения чаще всего строятся на основе археологического материала, который демонстрирует свертывание или сокращение масштабов ремесленной деятельности, бедность находок второй половины XIII — начала XIV вв., отсутствие большого числа каменных построек и архитектурных изысков. В социально-психологическом плане указывают (подобно Пайпсу) на то, что именно начиная с этого времени (середина XIII в.) наблюдается свертывание демократических институтов на «подконтрольных» монголам землях, а также формирование в народном сознании элементов мировосприятия, свойственных жителям восточных деспотий. Расплывчатость и низкое качество разработки понятийного аппарата отмеченных проблем не позволяет делать однозначные заключения о психологическом портрете русского человека XII, XIII или XV вв., а потому и привязывать к хронологической шкале те или иные сдвиги общественного (и личного) сознания. Не лишены противоречий и данные о состоянии культуры и ремесла. Затруднительно связывать сокращение производства и исчезновение ряда ремесленных центров исключительно с последствиями погрома 1237–1240 гг. Археологические находки зачастую не имеют точных дат и размещаются в широком диапазоне, ориентированном на относительные реперы. Русские князья в междоусобных войнах были не менее жестоки, чем степные гости. Поэтому любой слой пожара примерно XIII века или массовое захоронение тех лет связывать именно с монголами никак нельзя. Также с элитарными искусствами — архитектурой и ювелирным мастерством. О перерыве в каменном зодчестве можно говорить уже с начала 1230-х гг. Эпизодические исключения практически во всех регионах Руси будут фиксироваться независимо от времени военных действий. Датировка ювелирных изделий тем более затруднительна.

В любом случае речь идет о процессе, последствиях крупного — самого крупного — военного вторжения на русские земли, но не с влиянием новой, установившейся внезапно и революционным путем системы социально-экономических отношений, которую иногда называют «иго». Система определенно возникла, но не сразу и далеко не только в связи с зависимостью от монголов. Прошли десятилетия, сменились поколения после вторжения, и современники вовсе не считали происходившее столь безвариантным, каковым его иногда числят историки.

В эти годы правители Руси были поставлены перед сложным выбором: что противопоставить подавляющей мощи монголов, силе их войск и администрации? Это мог быть компромисс, система договорных отношений, задабривания захватчиков и оттягивания времени. Это могла быть и другая сила: Западная империя, папа Римский или государства, не охваченные вторжением, как, например, Литва, Германия или Швеция. Это могли быть бегство, эмиграция или даже самоубийство, красивая поза и героическая гибель. Некоторые так и поступили. Каждый политический центр Руси решал эту задачу по-своему, комбинируя перечисленные варианты и руководствуясь остротой момента. Одним из результатов было размежевание, формально обозначаемое сейчас как «Восток–Запад». Можно сказать, что к середине XIII в. оно предстало со всей очевидностью. Ретроспективно создается впечатление, что земли Галицко-Волынской Руси после короткого периода консолидации при Данииле Романовиче окончательно сориентировались на путь сближения с западноевропейскими силами и Литвой, правители которой к 1323 г. сменили здесь Рюриковичей — встали на путь утраты титульной национальной и политической идентичности, растворения и смешения в инородной среде, результатом чего было создание новых национальных сообществ, белорусов и украинцев. А северо-восток и Новгород, казалось бы, предпочли замирение и долгосрочное сотрудничество с Ордой — путь рабской социально-политической зависимости, социально-психологической мутации под восточным

влиянием, приведшей к формированию нации с «рабской психологией» и «имперским мышлением».

Такая общая картина, исключая частные варианты и неожиданные рецидивы, нередко предстает наблюдателю в качестве непосредственного результата нашествия хана Бату, его естественного следствия. При этом часто из поля зрения выпадают или берутся в скобки те примечательные и сложные социальные и политические процессы, которые шли в русских землях в течение первого десятилетия после появления монгольских войск на границе Рязанского княжества. А ведь именно в эти годы для большинства жителей и властителей Руси наступил тот «момент истины», когда они оказались на перекрестке магистральных путей своей дальнейшей судьбы, судьбы своих детей и внуков. Их выбор тогда предопределил многое. Именно коллизии указанных лет подводят нас к действительному «результату Батыева нашествия». Позднейшее развитие уже не было столь непредсказуемым.

Но начать стоит с того, какой встретила Русь монголов 800 лет назад. Диковинные степняки изумили, они были другими — чужими — странными, инопланетными. Война была их спутником. Казалось, что они могут против неприступных русских крепостей? Да и что им вообще надо? Откуда они и зачем? И был бой, а потом разгром. Пал Киев, разрушен Владимир, сожжена Москва. Пришел новый мир. Потом скажут «иго», а другие прошепчут «империя». Когда всмотришься в произошедшее, путь покажется развитием, а развитие прогрессом. И за туманом веков проступят очертания современности.

ГЛАВА 1

РУССКИЕ ЗЕМЛИ В НАЧАЛЕ XIII в.

В начале XIII в. на Руси выделяют до 13 крупных территориальных образований — земель, фактически представлявших собой независимые государства¹. Девять из них закрепились за отдельными ветвями княжеского рода Рюриковичей — потомков князя Владимира Святославича, которых принято возводить к легендарному Рюрику. Старейший представитель династической линии держал главный город, а остальная «братия» наделялась волостями во внутренних областях. В четырех землях (Киев, Новгород, Псков, Переяславль Русский), где своей династии не сложилось, на главном столе чередовались князья различных ветвей Рюриковичей, отчего эти владения иногда обозначают как «общерусские» держания. В разряд общерусских могли попасть и земли, где династическая линия пресеклась (Галич); тогда претендовать на стол мог любой властитель — как русского, так и иноземного происхождения. Наследственное право и право старейшинства в этом случае практически никогда не соблюдались, а окончательное решение зависело как от военной мощи претендента, его харизмы, так и от воли жителей земли, то есть прежде всего главного города.

¹ См. подробнее: Горский 2016.

Основным стержнем политической жизни Руси второго-третьего десятилетий XIII в. была борьба за контроль над «общерусскими» столбами между четырьмя сильнейшими ветвями рода: черниговскими Ольговичами, волынскими Изяславичами, смоленскими Ростиславичами и суздальскими Юрьевичами. Фактически к середине 1230-х гг. Русь распалась на четыре политических объединения, замыкающихся на четырех территориально-династических центрах. Подобные союзы возникали в истории Руси не раз, и их рыхлый внутренний характер, а также борьба с другими такими же объединениями неизменно приводили к развалу и дезинтеграции. Однако считается, что сложившиеся в начале XIII века группы земель могли стать прообразами трех-четырёх отдельных стран, поделивших между собой всю территорию Руси. Монгольское нашествие существенно изменило намечавшиеся перспективы оформления новых государственных образований, статус земель и их политические возможности. Чтобы помочь разобраться в степени и характере этих изменений, далее предлагается краткий обзор политической истории русских земель накануне появления на их границах монголов, абрис «политического багажа», с которым каждая из земель-княжений пришла к отмеченному рубежу.

Полоцк

В рассматриваемое время процесс обособления русских княжеств уже имел более чем двухвековую историю. Полоцк первым приобрел собственную династию из рода Рюриковичей. В начале XI в. Владимир Святой передал эту землю своему сыну Изяславу, за потомками которого утвердилось наследственное владение. Уже в начале XII в. ливы, курши, земгалы и латгалы были данниками Полоцка. Однако контроль над племенами Латгалии и Подвинья русские князья на рубеже XII–XIII вв. практически мирно уступили Ливонскому ордену и Рижскому архиепископу¹. Давление Литвы периодически ставило Полоцкое княжество

¹ См. подробнее: Хрусталева 2009. Т. 1. С. 27–65.

кие, зависимые от Смоленска (и Литвы) держания: Минское, Витебское, Друцкое, Изяславское, Городецкое и Логожское княжества¹.

Галич

В конце XI в. беспокойные внуки Владимира — старшего сына Ярослава Мудрого — Володарь и Василько Ростиславичи закрепили за своими потомками Перемышльское и Теробовльское княжения. Их объединил Владимир Володарьевич (1124–1153), который, кроме того, присоединил некоторые соседние земли. Эти области стали костяком обширного политического образования, столицей которого в начале 40-х гг. XII в. признали Галич. Пика могущества Галицкое княжество достигло при Ярославе Осмомысле (1153–1187), который «отворял Киеву врата» и фактически контролировал старейший русский стол. Красочный некролог этому правителю привел В. Н. Татищев: «Сей князь был честен и славен во всех землях... Со всеми князи жил в любви и совете, паче прилежал о устроении земли, и тако всем соседем был страшен. Никто не смел на него нападать, зане воеводы, непрестанно греком, венгром и чехом помогая, искусны в воинстве и храбры в битве были. Земля же его во всем изобиловала, процветала и множилася в людех, зане ученые хитрецы и ремесленники от всех стран к нему приходили и грады населяли, которыми обогасчалась земля Галицкая во всем...»² Однако уже при сыне Ярослава, Владимире, стабильность в регионе была нарушена прежде всего в связи с ростом политической активности галицких горожан, а также претензиями соседней Венгрии. Борьба особенно обострилась после смерти Владимира (ум. ок. 1199 г.), с которой пресеклась династия, идущая от Ростислава Владимировича. Можно сказать, что Галич стал «общерусским» столом, и в борьбу за него включились все четыре сильнейшие ветви Рюриковичей, а также венгерские короли и польские князья. Практически два десятилетия были наполнены внутренними усобицами и вторжениями извне, истощавшими силы

¹ См. подробнее: Алексеев 2006. Кн. 2. С. 4–22.

² Татищев 1994. С. 143.

